

*Всем маленьким девочкам
следует говорить о том, что они красивы,
даже если они таковыми не являются.*

1

— И не вздумай сегодня задерживаться, поняла? — требовательно наставляет меня голос Василины. — Платье и туфли я приготовила, но тебе ведь еще нужно успеть голову помыть, чтобы накрутить локоны.

Я способна выдавить лишь неопределенное «угу», потому что в данный момент слишком озабочена перспективой быть раздавленной мясистой тушей заместителя генерального, вошедшего в лифт вслед за мной. Странно видеть Сергея Борисовича так рано, ведь обычно это я — единственная, кто приезжает в офис на сорок минут раньше остальных. Люблю, не торопясь, включить компьютер, приготовить себе кофе и сделать коротенькую утреннюю медитацию для плодотворного дня.

— Таня, зайди ко мне, — говорит Дивеев вполборота, как только двери разъезжаются. — Надо документы по «СтройДору» еще разок посмотреть.

Вздыхнув, я запикиваю телефон в карман брюк и плетусь за ним следом. Сегодня придется обойтись без кофе и медитации. Ну а что мне было ответить?

«Сергей Борисович, перестаньте борзеть и взгляните на часы. Видите? Рабочий день еще не начался». Не так уж и часто он меня к себе дергает, в конце концов, что бы и не перетерпеть.

— Через минуту буду у вас, — обещаю я, притормозив возле двери своего кабинета. — Только вещи оставлю.

Надеюсь, Василина не обиделась, что я так резко прервала разговор. Просто она мне с этим походом в клуб все уши прожужжала. Я сначала идеей загорелась, но ближе к назначенной дате стала потихоньку сдуваться. Римма Радиковна, главный юрист «Кристалла» и моя непосредственная начальница, ушла в отпуск, и я вторую неделю работаю за двоих. Домой прихожу, выжатая как лимон, успеваю только чай попить и сразу отключаюсь. Стирки накопилось столько, что вчера даже Василина не выдержала и сама запихала белье в машинку.

Оставив сумку, я захожу в кабинет зама и моментально упираюсь взглядом в стильно взлохмаченный затылок, возвышающийся над посетительским креслом. Судя по отсутствующей мясистой складке на шее и широким плечам, в нем сидит не Дивеев.

— Здравствуйте, — здороваюсь я, быстро оглядываясь в поисках зама, которого нигде нет. — А Сергей Борисович куда-то вышел?

Вместо ответа незнакомец плавно разворачивается вместе с креслом и смеривает меня взглядом. На короткое мгновение я чувствую взволнованное трепыхание в груди, но быстро беру себя в руки. Просто

немного растерялась оттого, что мужчина напротив оказался неожиданно привлекательным. Привлекательным, на мой дилетантский взгляд. У него слегка удлинненная челюсть, покрытая щетиной, такой же нарочито небрежной, как его прическа, взгляд прямой, дерзкий, ироничный. Пальцы, лежащие на подлокотнике, длинные, ноги, обутые в модные черные туфли, — тоже.

Я его знаю. Громов Дан Андреевич. Бывший вице-президент «Скабо», в прошлом году добровольно покинувший свой пост без видимой на то причины. Ходили слухи, что он уехал то ли на Кипр, то ли в Хорватию, чтобы заниматься яхтингом. Кстати, за это я его глубоко осуждаю. Сколько ему лет? Точно не больше тридцати пяти. Рановато для того, чтобы устать от карьерных достижений и уйти на покой, сменив деловой костюм на плавательные шорты.

— Сам его жду, красавица, — ослепительно улыбается Громов, заставляя меня вспыхнуть от такого ласково-фамильярного обращения, к тому же произнесенного глубоким баритоном. — Сможешь пока сделать мне кофе?

Щеки, как по щелчку, перестают гореть, усилившееся биение в груди стихает, за каких-то пару секунд приходя в норму. Вопрос про кофе возвращает меня в реальность, из которой нечаянно выбило непривычное «красавица».

Нет, мне совсем не обидно, кто бы из вас что себе ни придумал. Меня давно нисколько не коробит тот факт, что мужчины не относятся ко мне как к сексу-

альному объекту. И уж тем более такие, как Громов. Это все равно, что подписаться на Криштиану Роналду в Инстаграме и злиться, что он не подписывается в ответ. Пусть я не обладаю выдающейся внешностью, зато с мозгами и интеллектом у меня порядок, а это куда важнее.

— Кофе вам сделает секретарь, — вежливо отвечаю я, глядя ему в глаза. — Думаю, она будет здесь минут через двадцать.

— Прошу меня извинить, красавица. — Громов прикладывает свои до странности длинные пальцы к груди и постукивает по карману пиджака, демонстрируя глубокое раскаяние. — Я пять часов провел в самолете — голова плохо соображает. Попросишь эспрессо для меня сделать, когда подойдет?

— Хорошо, — отвечаю я еще до того, как успеваю подумать. — Оставлю вас пока... Здесь.

Выйдя за дверь, ощущаю что-то, напоминающее злость. Угадайте, на кого? Нет, вовсе не на бесцеремонного Громова, который, не разобравшись, кто перед ним стоит, упрямо отдавал нелепые распоряжения. Я злюсь на себя. На собственные неконфликтность и бесхребетность. Вот для чего я ответила «хорошо»? Узнай об этом Василина, наверняка рявкнула бы, что я снова веду себя как тряпка, и была бы совершенно права.

Правда, у себя в кабинете быстро успокаиваюсь. Раздражение улетучивается, обмякают плечи. И чего я так напряглась? Разве мне сложно позвонить в приемную и попросить занести кофе в кабинет Дивеева?

Совсем нет. Даже наоборот. Сделать это гораздо легче, чем объяснить мультимиллионеру, почему ему стоит обратиться с этой просьбой не ко мне, а к кому-то другому.

Сергей Борисович, кажется, про меня забыл, потому что повторно к себе не приглашает. А через полчаса, когда я иду в бухгалтерию, вижу, как он провожает Громова к лифту. Коренастый Дивеев на фоне высокого и немного худощавого собеседника выглядит неповоротливым хряком.

— Приходите к нам еще! — трепетно звенит голос Лены, застывшей возле стойки с подносом.

Вот кого без зазрения совести можно назвать красавицей. Секретарь генерального будто сошла со страниц комиксов аниме: глаза на пол-лица, высокая грудь, талия, которой бы позавидовала Скарлетт О'Хара, и бедра, за которые убила бы Бейонсе. Ну и ноги, конечно. Куда без них. Длиннее, чем у любого игрока НБА.

Обернувшись, Громов озорно подмигивает ей, отчего красивые коленки Лены смешно подгибаются, будто их хозяйка вознамерилась присесть в реверансе.

— Конечно, малыш. Ты такой вкусный кофе сделала, что меня теперь от вас не выгонишь.

Что происходит дальше, мне неизвестно, потому что я ускоряю шаг. Скорее всего, они обмениваются телефонами, как это часто происходит в мире симпатий и легких знакомств. И нет, Лене я совсем не завидую. Есть вещи гораздо значимее, чем свидания

и флирт. Например, совершенствовать свои профессиональные навыки, повышать интеллект, развиваться духовно, быть хорошим другом и откладывать деньги на покупку собственного жилья.

* * *

— Нет, ну как же Исакову со мной повезло, а, — приговаривает Василина, обмахивая мое лицо кисточкой для румян. — Девушка у него на все руки мастер. Хочешь — завтрак вкусный приготовит, хочешь — рубашку погладит, хочешь — массаж со счастливым концом сделает, а хочешь — подругу нарисует так, что глаз не оторвать.

— Можно посмотреть? — От нетерпения я начинаю ерзать на стуле, который Василина гордо окрестила креслом визажиста. — Просто я здесь уже полчаса сижу.

— Полчаса она сидит, — фыркает она. — Некоторые каждый день столько времени на сборы тратят, так что раз в три года можешь оптом потерпеть. Это еще повезло, что у тебя кожа хорошая и не приходится наносить пять слоев штукатурки.

Пока Василина воодушевленно делится уловками для маскировки прыщей, я с беспокойством наблюдаю на наряд, разложенный в кресле. Короткий, ярко-красный, облегающий. Прямая противоположность тому, что я привыкла носить. Я люблю, когда одежда не стесняет движений, ткани выбираю максимально натуральные, что само собой, исключает

ет содержание эластана, и цвета предпочитаю нейтральные, если только речь не идет о моем любимом цветастом свитере, купленном несколько лет назад из духа противоречия маме. Василина неделикатно прозвала его «отрыжка хиппи».

— А, может быть, платье другое попробуем? — осторожно уточняю. — Просто я к красному как-то не очень.

— Дай тебе волю, ты в рабочих брюках пойдешь и распугаешь всех потенциальных поклонников, — безжалостно отрезает Вася. — Сама же сказала: «Делай со мной, что хочешь». Так вот, не мешай мне устраивать твою личную жизнь. Имей в виду, Карим уже ныть начал, как ему без меня плохо спится, поэтому скоро капусту тушить тебе придется на одного.

— К нему переедешь? — как можно благодушнее переспрашиваю я, ощущая тоскливое потягивание в груди.

Эту квартиру мы арендуем уже два года, и к веселому соседству Василины я очень привыкла. Нет, я, разумеется, за нее рада. Жизнь не стоит на месте, Карим отличный парень, и они любят друг друга. Все так и должно быть. Просто... я остаюсь одна.

— Перееду, конечно, а как иначе? Но есть и хорошие новости: квартира будет полностью в твоём распоряжении. Можешь ходить голышом, приводить парней и осквернять здесь каждый свободный сантиметр.

Я улыбаюсь:

— Очень смешно.

— Смешно, что ты об этом даже не думаешь. —
Василина отступает на метр и, сощурившись, оце-
нивает мое лицо. — Все, теперь отлично! Можешь
смотреть!

К зеркалу я поворачиваюсь как в замедленной
съемке. Нервничаю немного. Василина так часто
что-то наносила на мою кожу, что есть риск пойти
в клуб размалеванной, как Харли Квинн. А о том, что
мне не нравится макияж, вслух я сказать вряд ли смо-
гу — все-таки Василина ради меня старалась. Прав-
да, с каждой секундой, что я смотрю на свое отраже-
ние, меня отпускает. Косметики на мне достаточно,
но выглядит вполне неплохо. Только губы смущают:
блестящие, яркие, не мои. Вульгарно пухлые, будто
их инъекциями накачали.

— Красиво, — улыбаюсь я Василине, выжидающе
выглядывающей из-за моей спины. — Спасибо боль-
шое. У тебя, определенно, талант.

— А рот у тебя какой сочный, обратила внима-
ние? Всего-то нужно было подчеркнуть контур и на-
нести помаду с блеском.

Я киваю. Непривычно как-то, но ладно. Будем
считать, что подобное перевоплощение — это психо-
логический кейс. Или подготовка к Хеллоуину.

— Все, хватит любоваться! — командует Васи-
лина, разворачивая меня к красному пятну на крес-
ле. — Одевайся так, чтобы красоту не стереть, и пой-
дем. А то Карим уже десять минут назад подъехал.

— Как подъехал? — вскидываюсь я, хватаясь за
платье. — И чего ты молчишь?!

Василина смотрит на меня с непониманием.

— А что я должна была сказать? Мы ведь еще не закончили. Ой, да хватит скакать, как бельчиха. Карим в курсе, что женщинам свойственно опаздывать.

Спешка на десятисантиметровых каблуках, выданных Васей, едва не стоит мне вывернутой щиколотки. В последний раз взглянув на себя в зеркало, я снова чувствую сильнейшее желание остаться дома. Это все не мое: вот это тесное платье, вульгарно подобравшее грудь в подобие детской попки, блестящий рот, волосы, пружинами лежащие на плечах, и голые коленки. Каждый, кто меня увидит, решит, что я выгляжу нелепо, потому что именно так я себя и чувствую. Как ребенок, который в попытке выглядеть старше влез в мамины вещи и украдкой стащил помаду.

— Расправь плечи, пожалуйста, женщина, — шипит Василина, когда мы выходим из подъезда. — Даже Джоли будет выглядеть мышью, если станет горбиться и стыдливо таращиться в пол.

Заставляю себя выпрямиться, хотя из-за того, что парень Василины смотрит на нас, опустив окно, это ох как непросто. Кажется, будто я слышу его мысли: «Для чего она так нарядилась? Ей совершенно не идет».

— Привет, йөрэк маем¹, — громко произносит Василина и, проснувшись в окно, смачно целует Карима в губы.

¹ *тат. моя душа.* — Прим. автора

 Я одновременно радуюсь за нее и по-белому зави-
дую. Той легкости, с которой Василина себя ведет, ее
непринужденной раскованности. Порой ей не доста-
ет такта, но обижаться на нее за это невозможно. Ва-
 силина другая: яркая, красивая, шумная, органичная
в своей взбалмошности.

 Иногда я даже думаю, что хотела бы уметь, как
она: не следить за мимикой собеседника, пытаюсь
разгадать, не доставляет ли ему дискомфорт та или
иная тема, кропотливо не подбирать слова из боязни
 быть неправильно понятой, позволять себе смеяться
так громко, чтобы окружающие осуждающе обра-
чивались, и машинально не оценивать каждый свой
 поступок по шкале «хорошести». Но потом вспоми-
наю, что у меня свой путь, и успокаиваюсь. И нет,
я совсем об этом не сожалею. Медленно, но верно,
я иду к поставленным целям.

 — Привет! — Я не без смущения улыбаюсь Кари-
му и выдаю специально заготовленную шутку: — Не
волнуйся, я ничего не пила.

 Ужасный когда-то был случай. На четвертом курсе
университета Василина и ее старшая сестра вытащи-
ли меня в клуб, где я впервые столкнулась с алкоголь-
 ной амнезией. Очнулась только утром, с разламыва-
ющей головой. Мама со мной потом две недели не
разговаривала, но это не самое страшное. Выясни-
 лось, что Карим великодушно согласился меня дове-
сти до дома, а я ему в благодарность наглядно проде-
монстрировала эвакуационные возможности своего
желудка. Облевала салон, корочке. Стыдоба.

Карим, к счастью, не пытается надо мной подтрунивать, и дорога до клуба проходит комфортно. Особенно радует возможность сидеть, потому что после нескольких десятков ступенек, пройденных на шпильках, икры налились свинцом.

Следующее испытание ждет меня на входе, где нас встречает крупный мышцатый охранник. В тот момент, когда его взгляд падает на меня, я почти уверена, что сейчас он громогласно рявкнет: «А ты — вон!»

— Тебе надо поскорее выпить, Тань, — ворчит Василина, когда нас все же пропускают внутрь. — Стояла с таким видом, как будто у каждой из нас в заднице по полкило амфетамина хранится.

И пока мы втроем идем к двери, из-за которой слышится оглушительный грохот басов, я думаю, что она права. Надо поскорее напиться и отупеть, чтобы покончить, наконец, с этими мучениями.

2

— Так! Давай, пока нам коктейли несут, оглядим имеющийся ассортимент, — бодро командует Василина. — Расскажи, какие парни тебе нравятся? Плотные кабанчики, долговязые жерди или мускулистые аполлоны, как мой Карим? Блондины, брюнеты, шапелены, рыжие?

— Я думала, мы выпить и потанцевать пришли, — замечаю я, безуспешно пытаясь подтянуть вырез платья вверх.

— Это само собой. Но как же «охота»? Если этот кусок соблазнительной плоти уже занят, — Василина выразительно похлопывает себя по бедру, — значит, главной охотницей вечера назначаешься ты.

— С моими умениями максимум на комаров можно охотиться. Не знаю я, какие мне парни нравятся.

— Перечисли своих актеров любимых тогда.

— Том Хэнкс, — отвечаю я без раздумий, на что Василина недовольно морщится.

— А можно кого-то другого? При всей моей любви к Форесту, горячей фантазией его не назовешь.

— Еще я очень люблю Энтони Хопкинса и Уильяма Дефо.

— Похоже, нам не сюда нужно было приезжать, а в дом престарелых. Помоложе кого-нибудь можешь назвать?

Я вздыхаю.

— Василин, хватит. Не хочу я так. — В этот момент замечаю в толпе возле бара знакомую фигуру и без эмоций добавляю: — Кстати, здесь Громов. Вот это да.

— Громов? — моментально оживившись, она начинает крутить головой по сторонам. — Кто это?

— Бывший вице-президент одной крупной логистической компании, — поясняю я, глядя, как он с улыбкой кладет руку на талию пышногрудой красавицы, которая целует его в щеку.

Его зубы светятся той же неоновой голубизной, как, впрочем, и рубашка, в которую он одет, волосы являют собой стильный хаос. Громов либо не причесывал их вообще, либо напротив — тщательно укладывал.

К щекам неконтролируемо приливает жар. Странное совпадение, да? Во второй раз в жизни выбралась в клуб и во второй раз за день встретила его. Хотя клубы наверняка привычная для Громова территория. Он сюда вписывается: модная музыка, поблещивающие из-за барной стойки бутылки с дорогим алкоголем, веселье, красивые девушки.

— Классный, — уверенно резюмирует Василина. — Берем.

— А по жопе? — моментально реагирует Карим.

Фыркнув, Вася обнимает его за шею и начинает что-то быстро шептать. Хорошо, что орет музыка, и я ничего не слышу. Пару раз невольно становилась свидетельницей их телефонных разговоров, так у меня уши потом неделями горели.

— Боюсь, Громова уже без нас взяли, — отшучиваюсь я, даже на секунду не рассматривая возможность подойти к нему ради приветствия.

Человек пришел в клуб отдыхать и вряд ли меня вспомнит. К тому же девушки подходят к нему с такой частотой, что, скорее всего, придется выстоять очередь.

На стол перед нами опускаются бокалы с коктейлями. Мой — ярко-оранжевый, с торчащим из него озорным бумажным зонтиком, Васин — полупрозрачный, с лаймом и листочками мяты. Карим заказал просто колу.

— Итак, за вечер! — громко объявляет Василина, воздевая бокал над головой. — Знайте, что я вас обоих очень люблю! Пусть у нас троих все будет хорошо!

Придерживая подол платья, упрямо ползущий вверх, я тянусь, чтобы чокнуться. «Главное, не пить больше одного», — напоминаю себе, с осторожностью прикладывая запотевшее стекло к губам.

Холодная сладковатая жидкость щекочет горло, и в следующее мгновение мир меняется. В висках что-то сдавливает и резко отпускает, отчего голова становится невесомой. Горячая вибрация крови ощущается в ступнях и кистях, а губы сами собой формируют улыбку. Господи, вот это ощущения! Будто из тела выкочил весь воздух и вместо него загнали веселящий газ. Музыка перестает казаться слишком громкой, платье — коротким и тесным. Отлично, отлично. И почему я переживала по поводу того, что не соответствую этому месту? Меня сюда впустили — значит, еще как соответствую!

— Как коктейль? — спрашивает Василина, наблюдая за мной поверх своего стакана.

— Вкуснятина! — отвечаю я неожиданно громко.

Внутри бурлит энергия... Много энергии. Скорее всего, дело в сиропе, который добавлен в коктейль. Сахар, как известно, это быстрые углеводы, провоцирующие резкий выброс инсулина, усиление кровообращения и мышечного тонуса... Вот только если не занять себя в этот момент физической активностью, велик риск набрать жир, особенно с учетом позднего времени суток... Интересно, для чего я обо всем этом думаю? Энергия есть — значит, нужно куда-то ее девать!

— Так что там про этого вице-президента? Вы знакомы?

— Утром виделись в офисе, — отвечаю я, с шумом высасывая коктейль до самого дна. — Он назвал меня красавицей и попросил сделать ему кофе.

Грохнув бокалом о стол, я одергиваю платье и поднимаюсь. Вибрация в теле разрастается и захватывает собой каждую клетку, не оставляя ни единой возможности усидеть на месте.

— И куда это ты собралась? — с подозрением щурится Вася.

Жестом, подсмотренным в рекламе шампуня, я откидываю назад волосы и трогаю языком губы, проверяя, такие ли они пухлые, какими казались в зеркале. Оставшись удовлетворенной, озорно подмигиваю ей:

— Пойду с яхтсменом поздороваюсь. Уж очень ему идет эта рубашка.

Идя от нашего стола к бару, где в данный момент обретается Громов, я вдруг четко понимаю одну очень важную вещь. Алкоголь вовсе не зло, а самое настоящее чудо. Благодаря ему мои плечи расправлены, на губах сияет победная улыбка, а ноги, обутые в пыточные шпильки, ступают непринужденно и легко. Я будто вижу себя со стороны, и увиденное мне очень нравится: обладательница пышных волос, идеальной кожи и сочных розовых губ, в красивом облегающем платье движется к бару под прицелом десятков восхищенных глаз. По сторонам я, конечно, не смотрю, но уверена, что восхищенных взглядов более чем достаточно. А почему бы им не быть? Я чувствую себя обалденно и выгляжу так же!

Опершись локтем на стойку, улыбаюсь бармену и начинаю изучать стоящую за его спиной батарею бутылок.

— Чем могу помочь? — сверкнув брекетами, улыбается он мне в ответ.

— М-м-м, — игриво тяну я, перебирая в голове список известных мне коктейлей. — Сделаешь мне... «Анальгин»?

Боковым зрением ловлю движение справа — там, где стоит Громов, — и улыбаюсь этому факту еще шире. Я правда хотела дома сидеть? Какое счастье, что передумала! И музыка такая заводная, что ноги сами в пляс пускаются.

— Может быть, «Пенициллин»? — переспрашивает бармен.

Прикрыв глаза рукой в знак смущения, я смеюсь. Стараться не нужно — громко выходит само собой. Перепутать анальгин с пенициллином, надо же... Моя бабушка, заслуженный врач с сорокатиетным стажем, сейчас бы дара речи лишилась. От этой мысли почему-то становится еще смешнее.

— Заразительно смеешься, красавица.

Глубокий баритон, раздавшийся справа, заставляет меня стихнуть и повернуть голову.

Зажав в своих до безобразия длинных пальцах стакан с темно-коричневым содержимым, на меня с интересом смотрит Громов.

— Привет и спасибо, — улыбаюсь я, глядя ему в глаза.

Они у него, кстати, вовсе не карие, как казалось на снимках, а орехово-зеленоватые, с золотыми крапинками, о чем я ему моментально сообщаю:

— У тебя такой цвет радужки необычный. Знаешь, где я такой видела? На срезе камня в музее минералов. Его называют пирит, или «собачье золото».

Теперь смеется Громов. Громко и звучно, демонстрируя ровные крепкие зубы без намека на налет или желтизну. Разглядывать чужие зубы — моя давняя привычка. Просто мама у меня стоматолог.

— Так и называется? Собачье золото?

Я киваю.

— Кто-то зовет его кошачьим.

На этом приходится отвлечься, потому что бармен пододвигает ко мне стакан с дымно-желтым содержимым. Я лезу в сумку за телефоном, собираясь поднести его к терминалу, но Громов делает короткий жест, красноречиво говорящий: «Платить буду я». Я даже не удивляюсь. Так и поступают мужчины, общаясь с привлекательной девушкой, а тем более, если видятся с ней второй раз за день.

Подношу коктейль к губам и лишь потом замечаю, что Громов протягивает мне свой. Хочет, чтобы я попробовала?

Улыбнувшись, отрицательно качаю головой. Скорее всего, он пьет что-то очень крепкое, вроде виски, а я слишком хочу побывать у Карима с Василиной на свадьбе.

— За приятную встречу, — говорит Громов спуская паузу, соприкасаясь краем бокала с моим.

Тут меня осеняет: он, оказывается, просто хотел со мной чокнуться. А я-то головой кручу, мол, нет, спасибо, не буду пробовать.

Сощурившись, он скользит взглядом по моему лицу, словно изучает. Ощущение удивительное: будто кожу ласково поглаживают. Приятно, и мурашки собираются.

— Я Таня.

— Я Дан, — представляется Громов, как будто есть шанс, что я могу его не знать. — С кем сюда пришла?

— С подругой и ее парнем. А ты?

— В такие места всегда прихожу один.

— В какие такие?

— В такие. — Он делает длинный жест рукой, обводя периметр бара, и снова смотрит мне в глаза. Теперь по-другому: более цепко и пристально. — Какие у тебя планы дальше?

Выдержав загадочную паузу, я тянусь к коктейлю и, изящно отпив, отодвигаю его от себя. Встряхиваю волосами все тем же движением из рекламы шампуня и, оторвавшись от барной стойки, с улыбкой сообщаю:

— В планах потанцевать.

Я чувствую себя королевой подиума, когда, соблазнительно покачивая бедрами, дефилирую в сторону танцпола. Кендалл и сестренки Хадид мне и в подметки не годятся — сейчас я в этом уверена. Кажется, все сворачивают на меня головы.

Остановившись, я поворачиваюсь к бару и с улыбкой маню Громова пальцем. «Ко мне», — выговариваю шепотом.

Усмехнувшись, он бросает на стойку купюру и выпрямляется. Можно продолжить путь на танцпол, но я предпочитаю смотреть, как Дан, ни на секунду не сводя с меня взгляда, приближается. Что там Василина спрашивала? Какие парни мне нравятся? Вот такие. Высокие, широкоплечие, с красиво взлохмаченными волосами и глазами цвета собачьего золота.

3

Я пробираюсь сквозь толпу на танцполе, твердо зная, что Громов идет за мной. Пробираюсь, как выясняется, бесцельно, потому что желанного островка, на котором можно пуститься в пляс без боязни ненароком отхлестать кого-то по щекам, так и не находится.

Неизвестно, сколько бы я так шла, если бы ладонь, опустившаяся на талию, не заставила меня остановиться. Опустив глаза вниз, я удивленно разглядываю длинные пальцы, контрастом выделяющиеся на кроваво-красной ткани платья. Ого. Громов только что меня обнял.

— У тебя есть любимое место для танцев? — следом звучит рядом с ушной раковиной. — Если нет, то предлагаю остановиться прямо здесь.

По плечу ползут мурашки. Возможно, от работающих кондиционеров, из-за которых здесь довольно холодно. Кстати, с учетом того, что на танцполе многие потеют, риск продуть шею или спину многократно возрастает.

 Я поворачиваюсь и сразу же встречаюсь с Громовым глазами. На этом меня посещает мысль, что в концепции темноты и тесноты определенно есть смысл: ты вынужден стоять близко, но благодаря полумраку ничуть этого не смущаешься.

 Загадочно улыбнувшись, я поднимаю руки вверх и плавно встряхиваю головой. Не знаю, откуда берется это движение, — наверное, в свое время я все-таки пересмотрела рекламы шампуня. Дальше все получается само собой: покачивать бедрами в такт музыке, переступать с ноги на ногу. Совсем и не сложно, кстати. И самое приятное в этом — продолжать смотреть ему в глаза.

 — А ты почему не танцуешь? — осведомляюсь я и быстро трогаю языком нижнюю губу, чтобы проверить, не съела ли помаду. Судя по липкости, она еще на месте.

 Громов указывает пальцем себе на ухо и качает головой, мол, не слышу.

Я наклоняюсь к нему ближе и, коснувшись ладонью плеча, выкрикиваю:

 — Почему ты не танцуешь?

 От него пахнет чем-то терпко-пряным, вызывающим волнительную вибрацию в крови. Которая усиливается, когда Громов, положив ладонь на поясницу, тянет меня к себе и его горячее дыхание со вкусом солода и мяты касается моего виска.

 — Потому что люблю смотреть.

Пульс частит, разгоняя по телу ощущение безграничной эйфории. Хорошо настолько, что я никак не могу перестать улыбаться. Сегодня мне удастся все.

— Ну, тогда смотри внимательнее, — выговариваю шепотом, не забыв при этом кокетливо дернуть Громова за воротник.

Развернувшись к нему спиной, снова поднимаю руки. Спрашивается, чего я так боялась танцев? Это очень легко. Нужно просто позволить музыке вести твоё тело. Ноги, талию, бедра, руки, шею, волосы, губы, глаза... И тогда все отлично получается.

В подтверждение этих мыслей парень, танцующий напротив, мне улыбается. Сразу видно, что он милый и добрый, и я без раздумий улыбаюсь и подмигиваю ему в ответ.

Прикосновение тела сзади не становится для меня неожиданностью. Оно кажется таким же естественным, как и то, что Громов оплатил мой коктейль. А для чего ещё нужны танцы? Это же зов тела, на который идут.

Зажмурившись, я продолжаю движение. Я красивая и соблазнительная, и в мире нет силы, способной убедить меня в обратном. А мужчина рядом,двигающийся со мной в такт, — лучшее тому подтверждение.

— Хорошо пахнешь, — сообщает Громов, убирая волосы с моей шеи.

Хотя, пожалуй, сейчас мне нравится называть его Дан. Громов он для прессы и для Сергея Борисовича, которого я, к слову, не очень-то и люблю. Глупо тереться о человека бедрами и называть его по фамилии, согласитесь? Тем более, когда этот человек делает комплимент твоему запаху.

— Это самодельная маска для волос из йогурта и авокадо, — считаю нужным пояснить. — Хорошо увлажняет.

Затылком я чувствую его смех и тоже улыбаюсь. Маска и правда отличная — я нашла этот рецепт три года назад в Интернете и делаю дважды в неделю.

Все происходит настолько естественно и идеально, что я не чувствую ни малейшего отторжения. Мне нравится, как Дан пробегается пальцами от моего предплечья к запястью и то, что я чувствую его дыхание на освобожденной от волос ключице. Нравится, как его руки то слегка надавливают на мою талию, то отпускают — это особый вид наслаждения, от которого в животе сладко сводит. Просто сумасшедшая ночь. Лучшая в моей жизни — сейчас я в этом уверена.

А потом Дан меня к себе разворачивает. Его глаза так красиво мерцают в свете неоновых лучей, пересекающих танцпол, что я не могу перестать улыбаться.

— А твои зрачки сейчас как обсидиан, — говорю я и, поняв, что он меня, скорее всего, не слышит, тянусь к виску, чтобы повторить. Позволяя себе небольшую шалость, нарочно задеваю губами его щеку: —

Твои зрачки черные, как обсидиан. Этот камень еще называют «коготь дьявола».

Неловко покачнувшись на каблуках, я собираюсь отстраниться, но Дан не дает этого сделать, уверенно обнимая за талию. Его лицо находится совсем близко к моему, будто бы для поцелуя.

— Хочешь отсюда уйти, Таня? Я очень хочу.

Его глубокий голос действует на меня словно доза подогретого спиртного: поочередно вспыхивают низ живота, грудь и щеки. И, кажется, Дана все же немного продуло кондиционером, потому что я улавливаю нотки хрипотцы. Мне нравится, как он на меня смотрит. Требовательно и выжидающе. Мужчины так никогда на меня не смотрели, хотя сейчас я уверена, что, если захочу — таких взглядов будет навалом.

С улыбкой глядя Дану в глаза, я выдерживаю короткую паузу, нащупываю его руку и молча тяну за собой. Лица людей сменяются одно за другим, пока мы выбираемся с танцпола. Сердце колотится, с губ не сходит триумфальная улыбка. Палец Дана поглаживает мою ладонь.

— Куда ты меня тянешь, командирша? — с усмешкой спрашивает он, едва мы выныриваем из толпы.

— Ты же очень хотел уйти, разве нет? — смеюсь я. — Веду тебя знакомиться с моими друзьями.

* * *

— А вот и мы-ы! — весело объявляю я, остановившись перед нашим столом. — Знакомьтесь, это Дан! Дан, люди, которые удивленно тебя разглядывают, — это моя лучшая подруга Василина и ее жених Карим. Поправочка! Выйти замуж он ей пока не предложил, но скоро точно предложит, потому что влюблен в нее по уши. — Я прикрываю рукой вы-

рвавшийся смешок. — И улыбайся осторожнее, а то Карим жутко ревнивый.

— Спасибо за столь подробное знакомство, — усмехается Дан и, выпустив мою руку, здоровается с Каримом. — Видимо, можно поздравить тебя с будущей свадьбой?

— Классный, да? — хихикаю я, опускаясь рядом с Василиной. Замечаю недопитый коктейль и незамедлительно обхватываю губами соломинку.

— А ты в ударе, как я посмотрю, — восхищенно шепчет она, проигнорировав мой вопрос. — Мне кажется, тебе стоит всерьез рассмотреть перспективу стать алкоголичкой. Я за вами все время наблюдала. Этот Громов к тебе как банный лист прилип.

Посасывая сладко-пряный коктейль, я с улыбкой смотрю, как Дан и Карим разговаривают. Отличная идея была — привести его за стол.

— Женщина выбирает себе жертву, а не наоборот, — цитирую невесту откуда всплывшую фразу и улыбаюсь еще шире, потому что в этот момент Дан смотрит на меня.

Я задорно киваю ему, мол, иди сюда, после чего Дан делает короткий знак официанту и направляется ко мне.

— Что пьешь? — Красиво сверкнув зубами, он указывает на коктейль в моей руке.

Я снова перебираю в голове всю известную мне алкогольную карту, которая оказывается очень скудной и, помимо названия первого антибиотика, со-

держит всего одно — «Кровавая Мэри», и то лишь потому, что совсем недавно я перечитывала историю Марии Тюдор.

— Это «Секс на пляже», — приходит на помощь Василина.

— Мотивирующее название, — замечает Дан и просит подоспевшего официанта принести один виски и повторить для меня коктейль.

Хихикнув, я перевожу взгляд на Карима.

— Не волнуйся, ладно? Мы с Даном поедem на такси.

Василина давится смехом, а Карим выглядит так, будто не знает, что сказать.

— Я о чем-то не знаю? — осведомляется Дан, наклонившись ко мне.

— Это наша шутка на троих, — не задумываясь, выпаливаю я. — Если вкратце: на четвертом курсе университета меня тошнило у Карима в машине. Наутро я ничего об этом не помнила — мне потом рассказали. Иногда я предпочитаю думать, что они специально это выдумали.

Пару секунд Дан смотрит на меня с удивлением, а потом разражается громким смехом.

— Если уж мы поедem с тобой в одном такси, тогда, пожалуй, стоит отказаться от секса на пляже. Я о коктейле, конечно.

— В прошлый раз я пила текилу, поэтому, возможно, всему виной моя непереносимость агавы, — с улыбкой возражаю я. — Так что сексу на пляже быть.

Улыбка пропадает с лица Дана, и его взгляд снова знакомо скользит по моей щеке, вызывая щекочущее ощущение в предплечьях и волнительный спазм под пупком.

— Как скажешь, — медленно выговаривает он, сощурившись.

— Сегодня я во всем за главную, да? — спрашиваю я и машинально растираю плечи в попытке согнать возникший озноб.

Дан качает головой:

— Нет. Точно не во всем.

— Дан, а чем ты занимаешься? — подает голос Василина, разрывая наш зрительный контакт.

— Конкретно сейчас — ничем. Я пару дней назад вернулся из Хорватии.

— И пока предпочитаешь прожигать жизнь, — с невесть откуда взявшейся иронией заканчиваю я. Кажется, подспудно я обижена на Дана за то, что он променял свое невероятное бизнес-чутье на что-то столь легкомысленное и бесперспективное, как возня с яхтами.

— Именно так, да, — улыбается он и, подхватив бокал с принесенным виски, поднимает его вверх. — За выдающийся вечер!

К счастью, новому глотку алкоголя удается с легкостью выбить из меня любую скучную мысль, и на их место приходят новые, куда более интересные.

— Я таких длинных пальцев, как у тебя, вообще ни у кого не видела, — признаюсь я, указывая глаза-

ми на кисть Дана, свесившуюся с диванного подголовника. — Вот дай ее сюда.

Усмехнувшись, он протягивает ладонь, которую я незамедлительно прикладываю к своей.

— Видишь? — Выравниваю пальцы так, чтобы они правильно соприкасались. — Мои почти вдвое меньше.

— Мой рост — метр восемьдесят девять, — негромко произносит Дан, переводя взгляд с наших склеенных ладоней на меня. Его глубокий голос становится ниже и шершавее: — Природа любит пропорции, если ты замечала.

— Мой рост — метр шестьдесят пять. — Я с улыбкой смотрю ему в глаза: — Что скажешь про мои пропорции?

Неожиданно согнув пальцы, он заключает мою руку в замок и подтягивает к себе, так что его дыхание касается моего подбородка.

— Скажу: идеально.

Дан завораживающе пахнет. Нельзя выделить что-то одно: тут и пряный одеколон, и горьковатый аромат солода, и что-то неуловимо пьянящее, волнуемое, чему не подберешь название.

— Предлагаю сделать подарок будущему жениху твоей подруги и вызвать, наконец, обещанное такси, — продолжает он. — Ты слишком умело подогреваешь мое нетерпение.

— Только имей в виду, что на заднем сиденье меня может укачивать, — улыбаюсь я.

Дан остается серьезным.

— Разберемся.

На улицу мы с Даном выходим, держась за руки. Я жмурюсь от порыва ветра, обдающего лицо прохладой, и расплываюсь в тысячной за вечер улыбке. Как же хорошо! Все хорошо: этот вечер, Дан, погода, — не жаркая и не холодная, — город, в котором я живу, влюбленные Карим и Василина.

— Здорово, да? — говорю я, глядя на Дана.

— Что здорово? — переспрашивает он.

— Все.

Склонив голову, он смотрит на меня с новым интересом и спустя паузу кивает. Абсолютно искренне, как мне кажется.

— Да. Очень здорово.

Продолжить диалог не удастся, потому что у обочины дороги останавливается длинный черный седан.

— Это наше, — поясняет Дан и, сжав мою ладонь, тянет к машине.

Интересно, что думают все эти люди, стоящие возле входа в клуб и смотрящие на нас? Что мы парень и девушка? Ведь что еще можно подумать, когда видишь двоих, держащихся за руки? Я бы, к примеру, решила именно так и ошиблась, потому что мы с ним едва друг друга знаем. Но все равно Дан мне очень нравится. Сейчас он кажется понятным и близким.

И вовсе не таким неприступным, каким выглядел на журнальных фотографиях.

— Красавицы вперед, — произносит он, придерживая для меня заднюю дверь такси.

Красавица. А почему я, собственно, решила, что некрасивая? Мне ведь уже не четырнадцать и даже не семнадцать. Я повзрослела и наверняка изменилась. Если бы была некрасивой, разве такой, как Дан, взглянул бы на меня? Наверное, этот вечер обязан был случиться, чтобы стать переломной точкой, после которой изменится вся моя жизнь.

— Спасибо. — Я с улыбкой пробираюсь на задний диван и, поймав взгляд водителя, здороваюсь.

Дан опускается рядом и непринужденно закидывает руку мне на плечо, окуная в волны своего запаха.

— Мне нравится, как ты пахнешь, — незамедлительно признаюсь я. — И это не только из-за туалетной воды. Кажется, это какое-то особое сочетание парфюмерных эссенций с твоей кожей.

Его улыбка в полумраке выглядит как фотовспышка, пальцы гладят мое плечо.

— Впервые на моей памяти девушка так щедра на комплименты.

— Это все коктейль. Поэтому я говорю то, что приходит в голову. Кстати, ты когда-нибудь задумывался, как много людей могли бы стать счастливее, если бы окружающие не скупались на комплименты? Просто представь: еду я в лифте и вижу, что у девушки напротив красиво уложены волосы. Так, как я сама себе в жизни не уложу, потому что не умею и не успеваю. И я ей об этом говорю. Что она почувствует? Возможно, сочтет меня сумасшедшей или даже задумается о моей ориентации, но в итоге

ей все равно станет приятно! Она придет на работу в отличном настроении и вполне вероятно, захочет сделать кофе коллеге, просто чтобы его порадовать. И так по кругу. Очень жаль, что мы боимся говорить комплименты. Так мир стал бы гораздо лучше, а люди счастливее.

— Да ты еще и филантроп, — усмехается Дан и после короткой паузы добавляет: — У тебя очень красивые глаза, которые прямо сейчас меня ослепляют. Сгодится? Это мой посильный вклад в счастливое человечество.

— Годится, — улыбаюсь я и, спохватившись, обращаюсь к водителю: — Я же адрес не назвала! Гашека, пятьдесят пять!

Водитель вопросительно смотрит на Дана в зеркало заднего вида, и после короткой заминки тот ему кивает со словами «Поезжай туда».

— Так почему ты решил вернуться? — спрашиваю я, удобно устроившись затылком на сгибе локтя Дана. — Надоели яхты?

— Вроде того. Решил, что родной город сам подкинет мне идеи.

— И как? Подкинул?

Дан поворачивается ко мне голову, щурится.

— Одну — точно да.

Он не отрывает от меня взгляд, продолжая смотреть в глаза, и я тоже не отрываю. От этого момент становится напряженным, многозначительным, а сердце проваливается вниз, разнося усиленную пульсацию по животу и бедрам.

— Когда ты так смотришь, у меня лицо начинает гореть, — шепчу я, кусая губу в попытке притупить растущее ожидание.

— Это радует, — негромко отвечает Дан.

Его дыхание становится ближе, подбородка касается шершавость щетины. Глаза сами собой закрываются, а кровь, прилившая к щекам, взмывает к корням волос. Его губы горячие, требовательные, не оставляющие не единой возможности отказать или увернуться. Но я и не хочу. Мне так нравится его запах: наверное, это то, что принято называть афродизиаком. Хочется ощущать все больше и больше... Даже попробовать языком.

Поцелуй неторопливый, влажный и глубокий, и в первые секунды все, что я могу, — это просто замереть и чувствовать. До этого момента в своей жизни я целовалась лишь однажды — тоже в клубе, правда с барменом, и, к сожалению или к счастью, ничего об этом не помню (Василина мне потом фотографию показала). Но догадываюсь, тот поцелуй ни в какое сравнение не идет с происходящим прямо сейчас. Низ живота наливается тяжестью, дыхание сбивается, становится поверхностным и прерывистым, а руки выйдут из-под контроля, требуя трогать, гладить, ощущать.

Поцелуй — это тоже танец. Если нет опыта, то лучше довериться интуиции и позволять телу себя вести. Подавшись к Дану грудью (потому что именно так сейчас хочется), я обнимаю его шею и легонько толкаюсь навстречу языком. Всего одно движение, но оно усиливает напряжение между нами до кри-

тического. Дан прижимает меня сильнее и коротким рывком усаживает к себе на колени. От гула кипящей крови и новых ощущений закладывает уши. Пусть опыта у меня нет, но по анатомии была твердая пятерка. Исключено, что я сижу на его айфоне.

Даже голова идет кругом. Это же все я... Я это сделала с мужчиной простым поцелуем.

— Ты откуда такая, а? — Оттянув мою голову, Дан заставляет на себя посмотреть.

Машинально облизав губы, я с улыбкой пожимаю плечами. Понятия не имею, что он имеет в виду, но, по-моему, что-то приятное.

Дан целует меня снова. Я понемногу осваиваюсь в нашем интимном взаимодействии, сама того не замечая, начинаю ерзать бедрами. Поцелуй — это тот же танец. В нем участвуют все части тела. И Дан тоже это знает, потому что его ладони скользят по моей спине, сжимают и отпускают бедра, перемещаются на талию и снова опускаются вниз. Головокружительный вечер. Наверное, должно быть стыдно перед водителем, но, к счастью, я сижу к нему спиной.

— Поедешь ко мне? — хрипло шепчет Дан, поднимая глаза на меня. — Завтра утром верну тебя до мной в целости и невредимости.

Глотнув воздух, мотаю головой. Я бы, наверное, хотела, но разве я могу? В смысле вот так... Сразу?

— Почему?

Я жмурюсь, потому что его щетина как-то по-особенному приятно трется о мою шею, с ног до головы

покрывая мурашками. И голос. Его голос звучит абсолютно завораживающе.

— Я нравлюсь тебе, ты нравишься мне. Это будет настоящая симфония.

Снова качаю головой:

— Не могу.

Если бы меня попросили объяснить почему — я бы не смогла. У меня нет вразумительно ответа. Просто не могу, и все. Мы только познакомились, и к тому же у меня нет опыта. В смысле, совсем.

— На день твоего цикла мне наплевать, если что.

Я смущенно смеюсь. При чем тут день цикла? И кстати, разве о таком вслух вообще принято говорить?

— Гашека, — громко объявляет водитель.

Покраснев еще гуще, если такое возможно, я соскальзываю с колен Дана и перемещаюсь на диван. Выясняется, что платье задралось почти до талии, и я начинаю быстро его поправлять.

— Спасибо за вечер, — бормочу, стремительно теряя нить былой легкости. — Было очень классно и...

— Я тебя провожу, — перебивает Дан и решительно толкает дверь.

* * *

— Вот мой подъезд, — констатирую я очевидное и нервно поправляю ремешок сумки на плече.

Алкоголь слишком стремительно из меня выветривается, и вести себя непринужденно становится

все сложнее. Впервые хочется пожалеть о хорошем кровообращении и слаженной работе гепатобилиарной системы. Сейчас я бы не отказалась придержать бывшее опьянение, чтобы беспрепятственно смотреть Дану в глаза.

— Я так и понял, — с усмешкой отвечает он. — Но спасибо, что ты нас представила.

— Вежливость — мое второе имя, — отшучиваюсь я и, смутившись, отвожу взгляд в сторону.

Понятия не имею, как прощаются малознакомые люди, которые минуту назад целовались на заднем сиденье такси. И Дан ни секунду не облегчает моих мучений. Даже с опущенными глазами чувствую, как он разглядывает меня.

Может, и впрямь рассмотреть рекомендацию Василины по поводу системного употребления алкоголя? Забавно было бы. «Подожди-ка, Дан, я сейчас кое-чего отхлебну из своей любимой фляжки, чтобы и дальше оставаться такой раскованной и веселой».

— В таком случае было бы очень вежливо предложить мне подняться на кофе, — не сдается он, чем вызывает во мне странное восхищение.

Потому что сама бы я точно так не смогла. В смысле, всегда восхищалась людьми, которые не принимают отказов и идут напролом. Не зря говорят, что успех с неба не падает.

Собравшись с духом, я поднимаю глаза и предпринимаю попытку симулировать былые легкость и уверенность.

— Ты всегда такой настойчивый, да?

А что мне еще остается, если не это? Второй вариант совсем уж жалкий: попятиться назад и трусливо спрятаться за подъездной дверью. Громов, конечно, влиятельный человек, но едва ли прямо сейчас под рукой у него обнаружится магнитная «таблетка» от нашего домофона.

Все же сколько же чуши может пронестись в моей голове всего за какую-то секунду. Для чего ему за мной идти после такого?

— Настойчив, когда уверен, что результат будет того стоить, — с улыбкой отвечает он, кажется, совершенно не переживая за счетчик и водителя, ожидающего его в такси.

А это такси, кстати? Никаких опознавательных знаков, да и марка премиальная.

Блин, это сюр какой-то. Бывший вице-президент крупнейшей российской компании напрашивается в нашу съемную квартиру на чашку сублимированного кофе. Громов такой вообще когда-нибудь пробовал? Сильно сомневаюсь.

От громкого звука входящего сообщения я невольно вздрагиваю и, обрадованная возможностью в очередной раз прервать зрительный контакт с Даем, лезу в сумку.

На экране светится СМС от Василины.

«У тебя все нормально? Если да, то отправь сердечко. Если нет — рвотный смайлик».

Вариант «SOS» не предлагается, поэтому я высылаю сердечко.

 «Отлично. Тогда я остаюсь ночевать у Карима и завтра жду грязных подробностей».

 — Извини, пожалуйста. — Я запикиваю телефон обратно в сумку. — Это Василина. Интересуется, как у меня дела.

— Она хороший друг. Так что с кофе?

 Я закусываю губу. Даже мне понятно, что Дана мало интересуется кофе. Наверное, будь ситуация другой... Будь я другая, — смелее и опытнее — я бы решилась. Потому что даже без алкогольного допинга, обычно сильно приукрашающего реальность, Громов мне нравится. Да и кому он вообще может не нравится? С почти двухметровым ростом, невероятными глазами и ироничной улыбкой, за которой так много всего кроется?

 — Наверное, нет, — выпаливаю, вновь вцепляясь в ремешок сумки, как в спасательный круг. — Извини. Я ведь тебя совсем не знаю.

 Дан издает беззвучный смешок и встряхивает головой.

 — Мне казалось, за эту пару часов мы довольно близко познакомились. Но я тебя понял и, конечно, не буду настаивать.

 С этими словами он подходит вплотную и, положив ладонь мне на плечо, медленно наклоняется к лицу. Очутившись в облаке его запаха, я затаиваю дыхание, чтобы не позволять волнующему ощущению разрастаться, и машинально прикрываю глаза. Память подает кричащий сигнал, что еще чуть-чуть — и губы почувствуют то самое влажное давление, а кожа вновь вспыхнет жаром.

— Спокойной ночи, Таня, — раздается в сантиметре от моей щеки, и следом ощущается легкое трение щетины. — Спасибо за вечер.

Несмотря на странное разочарование от несостоявшегося поцелуя, по телу ручейками разбегаются мурашки, и пульс бьется как бешеный.

— Спасибо и тебе.

Голос неожиданно садится, из легких выпрыгивает короткий смешок:

— Может быть, еще когда-нибудь увидимся. Если ты вдруг к Сергею Борисовичу решишь в гости навестись.

Я успеваю заметить, как в глазах Дана мелькает недоумение, а брови вопросительно дергаются, но предпочитаю не выяснять, что стало тому причиной. На сегодня мой запас общительности и обаяния официально исчерпан.

Быстро взлетев по ступенькам, я прижимаю магнитный ключ к замку и скрываюсь за дверью. Шпильки, которые еще недавно казались невесомыми, снова ощущаются пыточными колодками, в икры будто залили литры кипящей кислоты. Так и подмывает взглянуть на часы: уж не полночь ли стукнула? Если бы у меня была карета, то из нее можно было бы сделать неплохой крем-суп, или как минимум прибереечь на Хэллоуин.

Кое-как доковыляв до лифта, я нажимаю кнопку вызова и, пока разглядываю сменяющиеся цифры на подвесном табло, вдруг отчетливо понимаю, что Громов меня совсем не узнал.

Стук входной двери настигает меня за готовкой обеденного супа. Из прихожей доносится шум сбрасываемой обуви, грохот упавшей сумки. Домой вернулась Василина.

Прикрыв кастрюлю крышкой, я занимаю место за столом и принимаюсь ждать. Сейчас она помоеет руки и насядет на меня с расспросами. Вася смешная такая. Час назад написала сообщение с вопросом, можно ли ей вернуться домой или лучше пока погулять. Думала, я здесь вертеп устрою.

— М-м-м, что за запах? — громко осведомляется она, заходя на кухню. — Дай угадаю: луковый суп?

— Он самый. Опыт работы в общепите явно не проходит для тебя даром.

— Да я на шару это спросила, — отмахивается Вася, плюхаясь на противоположный стул. — Ты же обожаешь готовить что-то пахучее.

Выхватив из вазочки двухнедельный сухарик, она впивается в меня взглядом, будто намереваясь высосать воспоминания, как вампир в небезызвестной фэнтезийной саге.

— Что? — смущенно смеюсь я, переводя глаза на стоящую передо мной кружку. — Нечего рассказывать.

— Что значит нечего?! — Василина так резко подается вперед, словно собирается вцепиться мне в горло. — Это был самый профессиональный флирт из всех мной увиденных, и после этого — ничего? В смысле... Совсем ничего?!

— Мы поцеловались в машине, — признаюсь я, борясь с желанием вскинуть руки в пораженческом «сдаюсь!». — Дан хотел подняться на кофе, но я отказала.

Лицо Васи просветляется, становясь почти благодушным, что вызывает во мне всплеск облегчения. Она тоже бывает жутко настойчивой, только, в отличие от Дана, от нее мне спрятаться негде.

— Это уже другое дело. А у вице-президента-яхтсмана своей хатки не нашлось? Чего это он к нам просился? Или у него дома трусы нестиранные на полу валяются?

— А ты его ни с кем не путаешь? — уточняю я еще до того, как успеваю подумать, и испуганно глазею на Василину: не обидела ли ее моя резкая шутка?

Вася удивленно вскидывает брови, а уже в следующую секунду громко хохочет.

— Нет, ты посмотри! Вчера красавчика заарканила, сегодня надо мной шутит! В правильном направлении движешься, Танюша! Будем считать, что проживание со мной наконец стало приносить плоды.

Ну как же хорошо, что Василина такая не обидчивая! Сама острая на язык и на других за остроты не обижается.

— На самом деле Дан меня сначала к себе позвал, но я сразу отказалась.

— М-м-м, — многозначительно тянет Василина, постукивая себя пальцем по верхней губе. — Звал, значит? Это хороший знак. А теперь скажи-ка, почему ты отказалась?

Мне становится неуютно, и глаза сами начинают поглядывать на дверь. Смешанное чувство. Вроде и хочется обсудить минувший вечер, чтобы вновь напитаться тем головокружительным триумфом, но параллельно не покидает мысль, что я не имею на это право. Произошедшее было не более чем удачным стечением обстоятельств, и всерьез обсуждать это — все равно, что обманывать себя и окружающих. Громов ведь обратил внимание не на меня, а на мое искусственно созданное альтер-эго. Макияж, локоны, которые я вряд ли когда-то смогу накрутить себе сама, короткое платье и безбашенность, вызванная приемом алкоголя — вот что его привлекло. Он меня даже не узнал, а значит, и обсуждать тут, собственно, нечего. Одной удачной вылазки недостаточно, чтобы вступить в клуб, где женщины охотно делятся своими победами.

— Ты же знаешь, что это не для меня. Не та ситуация. Во-первых, не так я представляла свой первый раз, а во-вторых, это было бы нечестно по отношению к Дану. Он рассчитывал на симфонию, а я в лучшем случае звучу как песенка от малолетнего тиктокера, где с первых аккордов молишь об окончании.

— Зачем ты так про себя, Тань? — хмурится Василина.

— Потому что у меня нет опыта! — неожиданно даже для себя отрезаю я, вскакивая из-за стола. — Такому, как Громов, подобный подарок и бесплатно не дался. Я весело провела время, но вечер пятницы закончился, и я снова стала собой. Умной, чуточку занудной и не слишком интересной противоположному полу.

Я подхожу к плите и машинально поднимаю крышку кастрюли. Несколько секунд разглядываю кипящий бульон, а затем хватаюсь за тряпку, начиная протирать и без того чистую столешницу. Щеки горят, а к горлу подступил влажный ком. Пожалуй-ста, пусть Василине кто-нибудь позвонит, и она перестанет меня допрашивать.

— Твоей маме иногда хочется пендаля дать, уж прости меня за такое неуважение к старшим, — возмущенно верещит она из-за моей спины. — Просто мне за тебя очень обидно. Что ты такая классная, но совсем себя не ценишь.

— Я ценю. Например, когда меня попросили заменить Римму Радиковну на период ее отпуска, сама подошла к генеральному и уточнила по поводу оплаты. В итоге в этом месяце получу зарплату в полтора раза больше.

— Работа есть работа, а я говорю о том, что ты совершенно не ценишь себя как женщину. На Исакова всю жизнь толпы смазливых мажорок заглядывались — и что мне теперь? Нужно было поискать кого-то пострашнее? Среди них наверняка нашлась бы та, что красивее меня и в постели способна гнуться как жвачка. Но разве смысл отношений состоит в том, чтобы подобрать идеальный образец? Ты — это ты, и второй такой нет. Как слюнявый щенок этот Громов бегал именно за тобой, а не за кем-то еще.

— Это было удачное стечение обстоятельств. — Столешница начинает подозрительно нагреваться,

поэтому мне приходится отложить тряпку и повернуться. — Он искал кого-то на ночь, а тут подвернулась та, что громко смеялась и выглядела доступной. И еще это платье...

— А ну-ка! — грозно рявкает Василина, заставляя меня вздрогнуть. — Оно мое любимое, так что поосторожнее с выражениями.

— В общем, ты меня поняла, — заключаю я.

— Да, поняла. Поняла, что лет через пять ты станешь жутко злой по известной причине, и в квартире будет паршиво пахнуть, потому что, скорее всего, обзаведешься кошками. Я понятия не имею, что должно произойти, чтобы ты дала себе и мужчине шанс.

Судя по всему, этот Дан разве что трусами перед твоим носом не махал, но ты продолжаешь утверждать, что ни при чем, и он сделал это случайно.

Раздраженно вздохнув, Василина с оглушительным хрустом откусывает сухарик и начинает жевать. Я по инерции ежусь. Моя мама за такое небрежное отношение к зубной эмали целую лекцию бы прочла.

— Такие мы все-таки разные, Тань. Я себя за каждую ерунду хвалю, если ты заметила. А ты наоборот: даже когда для похвалы есть веский повод, делаешь вид, будто это полная ерунда.

Тут я не могу не заулыбаться. Это действительно так.

— Это потому, что мне с детства внушали: хороший человек обязан быть скромным и не выпячивать свои заслуги.

— А я, по-твоему, плохой человек?

— Конечно, нет. Ты очень хорошая.

— Правильно, — удовлетворенно хмыкает Василина. — И о чем это говорит? Снова правильно! В детстве тебе внушили чушь.

Не зная, что ответить, я снова поворачиваюсь к плите. Скорее всего, она права, но как же сложно просто взять и отказаться от того, во что верил столько лет! Всякий раз, как я пытаюсь выйти за границы привычного поведения, тихий голосок внутри упрямо шепчет, что это неправильно. И так во всем. Я чувствую вину даже за то, что из-за жуткой занятости на работе у меня нет времени на уборку, хотя на деле ничего страшного в невымытых полах нет.

— Я хотела тебя кое о чем попросить, — наконец выдавливаю я после затянувшегося молчания.

— Проси, — великодушно разрешает Василина. — Все что угодно для моей зажигательной подружки, поставившей на колени вице-кого-то-там.

Сделав над собой усилие, заставляю себя обернуться и посмотреть ей в глаза. Приходится напрягать легкие, чтобы голос не звучал как шепот.

— Поможешь мне в понедельник на работу собраться? Я имею в виду... Может, волосы чуть-чуть уложить... Ну и глаза подкрасить.

От внутреннего напряжения вибрирует кожа. Знаю, что Василина не откажет, но все равно попросить почему-то было очень сложно. Даже стыдно как-то.

— Ну конечно помогу! — расплывается она в такой счастливой улыбке, будто узнала, что я буду месяц гладить за нее белье. — Сделаем все в лучшем виде. Дан-Балан на этот раз тебя точно узнает.

6

— Вот так. — Василина откладывает в сторону тюбик туши и, оглядев мое лицо, с какой-то особой проникновенностью просит: — Посмотри, так нормально?

Я поворачиваюсь к зеркалу и моментально начинаю улыбаться. Да, так нормально. Даже замечательно. Макияж почти не заметен, но выгляжу я гораздо лучше. Цвет лица ровнее, глаза будто стали больше и выразительнее, а на щеках играет здоровый румянец.

— По волосам я немного прошлась утюжком, чтобы лежали аккуратнее, — поясняет Вася. — Локоны оставим для выходного дня, правильно?

— Спасибо, — шепчу я, приглаживая воротник рубашки. — А про юбку что думаешь? Не нужно заменить?

— Я бы сказала, что нужно, но вряд ли в твоём гардеробе найдется что-то лучше нее, — фыркает Василина, но потом спохватывается и виновато добавляет: — Не обижайся, ладно? Я хотела сказать, что...

— Я тебя поняла, — успокаиваю ее, — и не обижаясь.

Одежду я привыкла покупать в первую очередь из соображений удобства, а удобные фасоны редко бывают элегантными.

Немного полюбовавшись своим отражением, решаю еще на одну просьбу. Заразное это дело — просить. Как начнешь, уже не остановишься.

— Может быть, сходишь как-нибудь со мной по магазинам, а? Это не к спеху... Когда тебе будет удобно. Просто если я одна пойду, то снова выберу что-нибудь... Как обычно, в общем.

Василина шумно выдыхает.

— Блин, ты о таких простых вещах как о великом одолжении просишь. Конечно, Тань. Я с радостью. — Взяв с туалетного столика ватный диск, она аккуратно промокает им глаза и раздраженно буркает: — Ты такая робкая и трогательная, что у меня слезы наверачиваются. Просто назови день — и я полностью в твоём распоряжении. Все равно я пока безработная в творческом поиске, так что времени навалом.

— Спасибо, — с улыбкой повторяю я и перевожу взгляд на часы.

До начала рабочего дня осталось чуть меньше часа, а значит, пора выходить.

Но в прихожей мне снова приходится задержать-ся, на этот раз из-за выбора обуви. Удобные мягкие туфли на плоской подошве и мокасины органично смотрелись с неброским пучком, но с красиво лежащими волосами и макияжем они начинают казаться слишком простыми. Хотя альтернативы, похоже, все равно нет. Хлопковые босоножки на небольшой тан-

кетке точно не подойдут. Остаются только кроссовки, которые тоже, разумеется, не вариант.

— Мои возьми, — вновь слышится голос Василины. — Вон те, черные, слева. Я их всего пару раз носила. Каблук небольшой и удобный.

Я в нерешительности смотрю на аккуратные темные лодочки, стоящие в углу обувной полки. Помню, как Вася хвасталась, что купила их по огромной скидке и стоили они ого-го. Красивые. Вроде и простые, но стильные и изящные.

— Я не могу... — начинаю отнекиваться. — Это твое, и они дорогие...

— Ой, надевай уже! — Оттолкнув меня плечом, Василина подхватывает туфли и пихает их мне в руки. — Они твои. Считай, что это моя благодарность за твои терпение, стирку и готовку.

Вряд ли мне удастся выиграть в споре с Васей, поэтому киваю в знак благодарности и, присев на кушетку, обуваюсь. Сели как влитые. Будто прямо под меня изготавливали.

— Очень удобные. — Оглядев себя в зеркало, я не выдерживаю и накидываюсь на Василину с объятиями. — Спасибо! Мне все очень-очень нравится.

— Блин, откуда ты такая, а? — Бормочет она, обнимая меня в ответ. — Я как будто дочку в первый класс собираю. Точно сейчас разрыдаюсь.

— Дан тоже так спросил, — застенчиво хихикаю я, отступая. — В смысле, откуда я такая.

От всплеска воспоминаний снова начинает громко стучать сердце. И так уже второй день. Наверное,

ожидаемо: это было поистине незабываемое приключение, которое мне еще не доводилось переживать. Вчера Дан мне даже приснился. Мы вдвоем гуляли в сквере рядом с нашим домом и пили молочный коктейль, который пухленькая продавщица по какой-то причине окрестила «Секс на пляже».

— Значит, он тоже оценил, — заявляет Василина и шуточно стучает меня по бедру. — Все, дуй на работу, доча. Пусть твое первое сентября удастся на все сто.

* * *

— Доброе утро, Сергей Борисович, — здороваюсь я, заходя в лифт следом за генеральным.

Сегодня нашему столкновению удивляться не приходится: со всеми этими сборами я приехала в офис всего за десять минут до начала рабочего дня.

В течение пары секунд Дивеев непонимающе разглядывает меня и лишь потом приветствует в ответ.

— Не сразу узнал тебя, Таня. Прическу как будто поменяла или еще что. В кабинет ко мне зайдешь потом по поводу «СтройДора». А то в прошлый раз не получилось. Громов нагрязнул, словно гром среди ясного неба. — Он вдруг начинает смеяться.

Это впервые, когда Сергей Борисович позволяет себе шутки в моей компании, — обычно он выглядит так, будто унюхал что-то испорченное или страдает запором, — поэтому я не сразу понимаю, что нужно посмеяться за компанию. К тому же упоминание

фамилии Дана вновь производит на меня странный эффект: внутри что-то ухает, а по рукам разбегаются мурашки.

— В общем, я тебя жду, — уже серьезнее говорит Дивеев, когда лифт замирает на нужном этаже.

Кивнув, я выхожу за ним следом и не без смущения машу рукой Лене, которая с подозрением разглядывает меня из-за стойки приемной.

— Ого! — Громогласно объявляет Валерия из отдела снабжения, идущая навстречу. — Тебя и не узнать сегодня, Тань. Это в честь Дня рождения?

Пробормотав: «Нет, это просто так», я спешу забаррикадироваться у себя в кабинете. На душе неуютно, волнительно. Внутренний голос шепчет, что я снова пытаюсь быть той, кем не являюсь, и коллеги, зная это, наверняка надо мной потешаются.

Призываю себя успокоиться. Всего лишь немного подкрасилась и распустила волосы. Да и каблук у туфель небольшой. Многие в офисе красятся, значит, и я могу. «Я такая же, как они», — повторяю шепотом, включая ноутбук. «Я такая же, как они», — говорю чуть громче, когда слышу смех за дверью.

Еще никогда я не покидала свой кабинет так часто, как сегодня. Четыре раза выходила на кухню за кофе, три раза — в туалет и пять раз — по выдуманым поводам: то документ из бухгалтерии забрать, который можно было запросто распечатать из программы, то у Лены спросить по поводу расписания генерального, что всегда можно сделать по телефо-

ну, то на складе взять новый степлер. И каждый раз крутила головой по сторонам: а вдруг?

К концу рабочего дня стало от себя тошно: ну что я за дура такая? Всерьез думала, что ради меня Громов примчится к нам в офис?

Он, конечно, не приехал ни сегодня, ни на следующий день. Еще одно напоминание, что чудес не бывает.

* * *

«Утюжок возьми в верхнем ящике. И не забудь термозащитное средство на кончики нанести, а то будут как солома. Моя косметичка полностью в твоём распоряжении. Извини, что не смогу сегодня тебя собрать. Вчера с Исаковым “Бриджит Джонс” допоздна смотрели, и я отрубилась на диване».

«Все в порядке, — быстро печатаю я. — Не переживай».

Положив телефон в сумку, вдеваю ноги в привычные мокасины и смотрю в зеркало. Эхо выходных полностью стихло, и я снова стала собой. Так гораздо проще. Дурацкое ожидание не станет отвлекать от работы, и вопросы вроде: «В честь чего накрасилась?» или «Ты что, сменила имидж?» — перестанут приводить меня в смущение.

Завтра из отпуска выходит Римма Радиковна, поэтому на день предстоит много бумажной волокиты. Основные дела закрыты, но мой перфекционизм требует, чтобы все было завершено до деталей. Хочу,

чтобы начальница видела, что и без нее я отлично справлялась.

Погрызнув в ворохе документов, я поднимаю голову, лишь когда давление в мочевом пузыре становится невозможно игнорировать. С грохотом ставлю последнюю печать и, подскочив, вылетаю из кабинета.

— Лен, если не сложно, скинь мне на почту контакт «ЭлиКома»! — выкрикиваю на ходу, несясь к заветной двери в туалет. — И если Глеб Алексеевич до меня не дозвонится, скажи...

На этом приходится прерваться, потому что я с размаху влетаю во что-то твердое и знакомо пахнущее. Вкусовые и обонятельные рецепторы посылают панические сигналы мозгу, и еще до того как поднять глаза, я знаю, кого увижу.

— Привет, красавица, — рокочет глубокий, чуть насмешливый баритон над моими волосами, наспех забранными в обычный пучок. — Вот мы снова и встретились. Уже в третий раз, как я понимаю.

Если Бог все-таки существует, то у него довольно специфическое чувство юмора. Примерно, как у социопата. А иначе чем объяснить, что Дан объявился именно сейчас, когда мои шансы добежать до туалета значительно уступают риску обмочиться на глазах у всего офиса, и когда он выглядит великолепно, а я — ровно так же, как в день нашего знакомства, за исключением разве что выпученных от натуги глаз.

— Привет, — выпаливаю я и, неловко обогнув его справа, вновь припускаю в намеченном направлении.

Да, и больше ни слова не добавляю. Какое бы сильное впечатление ни производил Дан, в приоритете у меня — добежать до кабинки и избавиться от двух чашек кофе и трех стаканов воды. И только потом начать думать, какой идиоткой я выглядела.

Теперь в список самых странных жизненных сожалений добавляется еще одно: я впервые жалею, что мочеиспускание не может длиться дольше нескольких минут. Потому что, как только тяжесть в животе исчезает, мучительность ситуации с треском обрушивается на меня. Ну вот почему ему нужно было появиться у нас в офисе именно сейчас, когда я... такая? Неужели нельзя было приехать вчера или позавчера, или на худой конец не приезжать вовсе, чтобы мое сердце сейчас не билось как на выпускном экзамене? Как, должно быть, нелепо я выглядела: сначала едва не сбила его с ног и следом, едва поздоровавшись, сбежала.

Застегнув брюки, я опускаюсь на крышку унитаза и принимаюсь разглядывать дверь туалетной кабинки, обдумывая возможность задержаться внутри на ближайший час. Для чего бы ни приехал Дан, за это время он наверняка уйдет, и мне не нужно будет снова с ним встречаться. От таких мыслей я стыдливо жмурюсь. Готова пренебречь рабочими обязанностями во имя собственной трусости. Просто браво.

Разозлившись на себя, я резко встаю и толкаю дверь. Желание прятаться нужно зарубить сразу и на корню, а то в будущем оно может дойти до маразма. Натура-то я увлекающаяся. Но по пути в приемную

шаг все равно замедляю, на случай если Дан до сих пор стоит где-то там на радость Олесе. Может быть, он к ней приехал, как знать? И тем еще более нелепым выглядит то, как я на него налетела.

В приемной Громова нет. Облегченно выдохнув, прошмыгиваю в коридор, ведущий к моему кабинету, и ощущаю горячий укол в груди. А вот и он. Стоит с Дивеевым. По счастью, ко мне спиной.

Не дыша, я беззвучно дохожу до нужной двери и на цыпочках проскальзываю внутрь. Мягкие мокасины сослужили мне хорошую службу — шаги совсем не были слышны.

Целых пять минут у меня уходит на бесцельное перекладывание бумаг из одной стопки в другую. Ни на чем не могу сосредоточиться. Слишком остро моя нервная система реагирует на присутствие Дана за стенкой, и слишком правдоподобно память воспроизводит то, чем мы занимались в машине: его взгляды, слова, касания. Мне неуютно наедине с самой собой. Насколько же проще жить без всех этих приключений! Мысли текут ровно, и нет проблем с концентрацией.

Спустя десять минут я начинаю понемногу успокаиваться. Очевидно, Громов уже ушел, а если и нет, то столкнуться нам в любом случае больше не суждено. Обед я принесла с собой и из кабинета до конца рабочего дня выходить не планирую.

Потерев виски, разблокирую экран компьютера и тычу в значок браузера. Быстро, словно кто-то может за мной следить, забиваю в поисковую строку за-

